

БИБЛИОТЕКА

41 АВГ. 1911

И. М. У.

2. См 132

mission
49 75

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц.

Single copies at 15 cents.

Rev. A. Hotovitzky, Publisher.

15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

No. 8. Vol. XV. — New York, APRIL 28, 1911, 15 Апрелья 1911 г. No. 8.

РУССКОМУ АРХІЕПИСКОПУ ПЛАТОНУ,

Св. Николаевскій Каѳедральный Соборъ,
Нью-Йоркъ, Н. Я.

Воистину воскресъ! Вѣрной Православной
Вашей паствѣ мой привѣтъ.

НИКОЛАЙ.

Вышеприведенной телеграммой Его Императорское Величество, Государь Императоръ Всероссийскій, изволилъ отвѣтить на слѣдующее привѣтствіе Высокопреосвященнѣйшаго Владыки нашего, Архіепископа Платона:

Американская Православная Русь привѣтствуетъ Васъ, нашъ любимый Государь, пасхальнымъ привѣтствіемъ: Христосъ воскрес!

АРХІЕПИСКОПЪ ПЛАТОНЪ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Привѣтствую всѣхъ своихъ сотрудниковъ—пастырей и всѣхъ нашихъ пасомыхъ съ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ и вседушевно-молитвенно благожелаю имъ, а также приношу всѣмъ, почтившимъ меня ко дню моего Ангела и къ Свѣтлomu Христову Воскресенію своими привѣтствіями, сердечную благодарность.

Призывая на всю Православную Американскую Русь Божіе благословеніе, остаюсь ея всегдашнимъ Богомольцемъ.

АРХІЕПИСКОПЪ ПЛАТОНЪ.

Пасхальные мотивы.

I.

«Христось воскресь!» —
И узкій доль, и дальшій лѣсъ,
И сѣрый въ тучкахъ сводъ небесъ —
Пусть скажутъ вмѣстѣ: мракъ исчезъ,
День наступилъ. «Христось воскресь!»

II.

Слышишь? птички раннія,
Пробудясь отъ сна,
Прыгаютъ по вѣточкамъ,
Чуя, что весна.
Въ ясномъ небѣ утреннемъ
Слышенъ гомонъ ихъ,
Праздничный, привѣтливый,
Какъ пасхальный стихъ.
И растетъ въ пробужженномъ
Радости волна:
Воскресенья свѣтлаго
Къ намъ пришла весна.

III.

Туга о прошломъ замираетъ,
Надеждой сердце воскресаетъ,
И бодро въ путь земной глядитъ.
Смерть поправа, дана свобода,
И, сердцемъ чуешь — вся природа
«Христось воскресъ!» говорить.

IV.

Привѣтъ старикамъ.

Нѣкогда, было, другіе рождали
Радости намъ Воскресенья Христова,
Съ Пасхой сердечный привѣтъ подавали
Въ краткомъ стихѣ благодатнаго слова.
Нынѣ долгъ насъ, возмужавшихъ годами,
Святость завѣтовъ нести поколѣньямъ.
«Гдѣ жъ обрѣсти ее мутнымъ грѣхами?»
Такъ говоримъ мы съ невольнымъ сомнѣньемъ.
Но если возможно еще одолжиться
Чистымъ наитіемъ радости свѣтлой, —
Къ вамъ мы приходимъ, чтобъ ея упиться,
Точно къ ключу, осѣненному ветлой.
Боже! продли золотые закаты,

Дай усладиться пасхальнымъ отвѣтомъ:
Вѣрой въ Воскресшаго старцы богаты,
Незаходящимъ облитые свѣтомъ.

V.

Маленькимъ.

Тише, дѣтки! и смотрите.
Наблюдайте: мы несемъ
Куличей, яичекъ, сыра,
Все въ кошелокъ соберемъ.
Свѣчку вставимъ по середкѣ,
Свѣчку эту затеплимъ,
Запоемъ святую пѣсню,
Понесется кверху дымъ.
Прочитается молитва,
Окропитъ святой водой
Намъ священникъ приношенье
И пойдѣмъ опять домой.
Будемъ радоваться Пасхѣ:
То Христось изъ мертвыхъ всталъ,
Далъ надежду воскресенья,
Всѣхъ любить намъ приказалъ.

VI.

«Христось воскресъ!»	Воскресъ Христось,
Звучить съ небесъ,	И насъ вознесъ
И вѣсть о томъ	Душа полна
Святымъ лучомъ	Любви до дна
Сіяетъ вокругъ,	И брату братъ
Цѣля недугъ.	Сердечно радъ.

«Христось воскресъ!»	Воскресъ Христось,—
Злой духъ исчезъ.	Не надо слезъ!
Призывный зовъ	Прощенья деиь
Колоколовъ	Прогналъ всю тѣнь
Гласить сердцамаъ:	Скорбей, заботъ,
Придите въ храмъ.	И миръ даетъ.

Ликуеть днесъ
Міръ Божій весь,
Луга въ цвѣтахъ,
И пѣснь въ лѣсахъ,
Чистъ сводъ небесъ:
«Христось воскресъ!»

Протоіерей Л. Туркевичъ.

Къ вопросу о соединеніи церквей.

On the question on the Union of the Churches.

By His Grace Archbishop Platon.

(Delivered at the Church Club, Philadelphia, Pa., on February 27, 1911.)

Лекція Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго ПЛАТОНА,
Архіепископа Алеутскаго и Сѣверо-Американскаго,
прочитанная 14—27 февраля 1911 г. въ Филадельфійскомъ Церковномъ Собраніи
Епископаловъ.

III

2 Января я, совершивши Божественную Литургію въ храмъ нашего православнаго прихода въ Филадельфіи, посѣтилъ другой православный нашъ здѣшній приходъ, образовавшийся изъ недавно возвратившихся въ православіе униатовъ. Священникъ этого прихода совершалъ Литургію для своихъ прихожанъ въ епископальной церкви, гдѣ и ожидалъ со своими пасомыми моего прибытія.

Когда я прибылъ въ тотъ храмъ, меня встрѣтилъ епископальный священникъ въ своемъ полномъ облаченіи, съ знаками глубочайшаго уваженія и прекрасною привѣтственною рѣчью на тему о скорѣйшемъ соединеніи церквей. Я выразилъ благодарность этому почтенному представителю епископальной церкви, оказавшему такую братскую любовь нашему юному, еще неизмѣющему своей церкви приходу, предоставивъ ему въ бесплатное пользованіе свою церковь. Но искренно скажу: я, стоя въ той вашей церкви и смотря на своихъ православныхъ людей, собравшихся туда для молитвы, не могъ побороть въ себѣ чувства нѣкоего смущенія и даже сердечной боли. Но—не смѣйте осудить меня за это! Хорошіе, добрые вы люди и добрые христіане! Многіе изъ васъ дѣйствительно любятъ искренно и сердечно насъ и вседушевно желаютъ соединиться съ нами, съ нашей православной церковью и стремятся къ тому. Усердно они молятся Богу, но... мо-

On January 2, after I had celebrated Holy Communion in the church of our Russian Orthodox parish of Philadelphia, I visited our other parish in the city, recently formed by the Uniates returning to the Russian Orthodox Church. The priest of that parish had celebrated the Service of the Eucharist for his parishioners in an Episcopal church, where he was waiting for me, with his flock.

When I arrived, the Episcopal priest of that church met me in full vestments, with signs of perfect respect and a beautiful speech of welcome, the theme of which was the speedy union of the Churches.

I expressed my gratitude to this worthy representative of the Episcopal Church, who was showing such brotherly love to our young and still churchless parish, by offering the parishioners the free use of his own church. I must frankly confess to you that, standing in your church, and watching our Orthodox people assembled there for prayer, I could not conquer a feeling of confusion within myself, and even a feeling of pain in my heart.

You are good people, kind people, and good Christians. Many among you have a sincere affection for us, and wish with all your souls to enter into union with us, with our Russian Orthodox Church, ardently

лятся не по нашему. И вотъ этого не по нашему никакъ не обойдешь, никакимъ способомъ, никакими средствами не отодвинешь въ сторону. Скажу, напр., о себѣ. Я здѣсь въ Нью-Йоркѣ былъ у васъ на службѣ въ ночь подъ Рождество Христово (по новому стилю) и получилъ сильное впечатлѣніе отъ той живой, искренней, глубоко религіозной настроенности, съ которой молились епископальные пастыри и пасомые. Я нарочно пошелъ не въ богатую матеріально Grace Church, а въ бѣдную Church of St. Edward. Было тамъ такое, что за душу брало, трогало и волновало, но этотъ органъ и это сидѣнье пасомыхъ, когда совершалась Литургія, и нѣкоторыя другія особенности не пришлись мнѣ по душѣ, чтобы не сказать болѣе. Отъ многого въ нашей богослужебной практикѣ и епископалы получаютъ такое же впечатлѣніе. Но я говорю о себѣ и скажу, что я не могъ сѣсть въ вашей церкви, и все время стоялъ, обращая тѣмъ на себя вниманіе сидящихъ епископаловъ. Не знаю, что они думали, если еще имѣть въ виду мой необычный для нихъ внѣшній видъ, — а я думалъ о томъ, что православный никогда не будетъ сидѣть въ своей церкви, ибо церковь не театр. Конечно, и вы не смотрите на свою церковь такъ, но для насъ православныхъ можетъ показаться это.

Такимъ образомъ, я опытно убѣдился въ томъ, что не только догматическія разности, о которыхъ я не говорю теперь, но не менѣе ихъ и обрядовыя препятствуютъ нашему единенію съ вами. Мы не можемъ безболѣзненно, будучи православными, молиться въ вашихъ церквахъ, — слишкомъ непривычна для насъ ихъ обстановка. По крайней мѣрѣ, я переживалъ тяжелое чувство, видя не святые иконы на стѣнахъ, а лишь органъ и скамейки, и рѣшительно ничего, что бы напоминало намъ о нашемъ православномъ храмѣ. И такъ грустно было мнѣ за нашихъ православныхъ, которые молились въ этомъ, не въ своемъ храмѣ, за неимѣніемъ своего.

Въ Нью-Йоркѣ, говорятъ, строится храмъ, въ которомъ помѣщаются алтари

longing for this union. You pray to God in all earnestness... but you do not pray God as we do. And this difference cannot be evaded; there is no way or method of pushing it aside.

For example, here is my own case. On Christmas Eve of the new style, I went to one of your churches in New York. I was profoundly impressed by the living, sincere and deeply religious feeling with which the Episcopal pastors and their flock prayed. I purposely did not go to the materially wealthy Grace Church, but to the church of Saint Edward which is less rich. There was much that captivated my soul, much that touched and stirred me. But the organ, the parishioners seated in pews during the Communion Service, and certain other peculiarities went very much against the grain with me, to say no more. And in our celebration of Divine Service, there is much by which Episcopalians must be similarly affected. But I am speaking here of myself, and must say that I found it impossible to sit down during your service, but stood all the time, attracting the attention of the Episcopal worshippers, who were seated. I do not know what they thought, especially if my unusual exterior be taken into consideration; but I thought that members of the Orthodox church will never consent to sit down in church, since a church is not a theatre. Of course, you yourselves do not regard your churches in this light, but for us of the Orthodox, it may look as if you did.

Thus I became convinced through experience that not only dogmatical differences, which I do not even touch on for the present, but differences of ritual also, keep us separated from you. Being of the Orthodox church, we cannot pray in your churches without discomfort; their arrangements are too strange to us. I at least felt heavy at heart, when I saw no holy icons on the walls, but found instead an organ and pews, with absolutely nothing that reminded me of Rus-

всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Господа! Если это правда, то этотъ храмъ будетъ всегдашнимъ памятникомъ одной изъ неудачнѣйшихъ попытокъ осуществитъ внѣшнимъ образомъ «соединеніе». Я лично вѣрю въ искренность строителей этого храма, увѣренныхъ, конечно, въ томъ, что они дѣлаютъ дѣло богоудное, но и не сомнѣваюсь въ неполной продуманности этого замысла. Могу сказать заранѣе, что если въ этомъ храмѣ будетъ и православный алтарь, то предъ нимъ будетъ стоять не густая толпа молящихся, — и даже будутъ ли единицы? Потому что въ храмѣ томъ будутъ даже и строители его чувствовать себя не по себѣ. Православный скажетъ: зачѣмъ въ храмѣ Божьемъ допускается музыка? а неправославный — почему у православныхъ поютъ не подъ музыку? и т. п.

Очевидно, слова: «нѣсть еллинъ, ни іудей» надо понимать не въ національномъ, а въ религіозномъ смыслѣ, т. е., для Церкви Божіей національныя особенности не имѣютъ значенія. Церковь Христова не требуетъ уничтоженія отдѣльныхъ народовъ, превращенія ихъ въ какой нибудь одинъ народъ, уничтоженія ихъ особенностей. Христосъ Спаситель не отрекался отъ своего народа, когда предрекалъ кающіеся своей Церкви (Мѡ. VIII, 5-11, XV, 21-28, Мрк. XVI, 15, Іоан. IV, 5-24). И ап. Павелъ не говоритъ, что въ Церкви Христовой грекъ долженъ перестать быть грекомъ, или іудей — быть іудеемъ, онъ только говоритъ, что въ Церкви національныя особенности не имѣютъ значенія и не даютъ никому никакихъ преимуществъ, а потому не должны вести къ обособленности (Рим. I, 5; III, 2-9; X, 12). Возвышаясь надъ всѣмъ временнымъ и конечнымъ, церковь отрѣшается въ своемъ содержаніи отъ всякихъ національных и територіальныхъ стихій и отъ всего обусловливаемого пространствомъ и временемъ (Еп. Хрисанъ).

Это значитъ, что вы американцы можете быть православными, оставаясь американца-

sian Orthodox church. And I felt very sorry for our Orthodox people, who prayed in an unfamiliar church, having none of their own.

It was rumored that a church would be built in New York, in which would stand the altars of all Christian confessions. If this were true, that church would for ever remain the memorial of one of the most unsuccessful attempts to realize union in an exterior way. Personally, I believe that the builders of such a church might sincerely think they were working at a task well pleasing to God; but at the same time I am convinced that such a plan could not be the result of clear thought. I can say in advance that if, in this church, there were to be an Orthodox altar, the worshippers before it would be few, if any came at all. The reason of this is, that, in such a church even its builders could not feel quite at ease. The Orthodox would say: Why do they allow instrumental music in a church of God? And those other than the Orthodox would ask: Why do the Orthodox sing without the accompaniment of instrumental music? and so on.

It is evident that the words "There is neither Greek nor Jew" must be taken, not in the national, but in the religious sense; in other words, they mean that, for the church of God, national peculiarities have no importance.

The Church of Christ does not demand the destruction of race distinction, nor the transformation of all races into one single race, nor the destruction of national peculiarities. Christ, our Saviour, did not renounce His own people, when declaring the universality of His Church (Matthew VII, 5-11, XV, 21-28; Mark XVI 15; John IV, 5-24). Neither does Saint Paul say that in the Church of Christ the Greek must cease to be a Greek, or the Jew a Jew. He says only that within the Church national peculiarities have no importance, giving no ad-

ми, а мы русскіе, будучи православными, останемся всегда русскими. У васъ есть одни привычки и немѣняющія вѣчному спасенію вашему склонности, а у насъ другія. Только тамъ, въ вѣчномъ царствѣ Божиѣмъ, уже не будетъ ни американца, ни русскаго, ни француза, ни вѣмца, — тамъ будутъ только дѣти Божіи, усвояющіе себѣ вѣчную славу вѣчнаго Бога и тѣмъ вѣчно живущіе, вѣчно шптающіеся и вѣчно развивающіеся. Здѣсь же на землѣ Церковь Христова призываетъ всѣхъ людей принять участіе въ Ея жизни и удовлетворяетъ религиозныя потребности людей, безразлично къ ихъ національнымъ особенностямъ. Главное для Церкви духъ человѣка, который назначенъ для вѣчнаго бытія, все остальное имѣетъ значеніе второстепенное и не столь важное, чтобы изъ за него не сходиться или тѣмъ болѣе расходиться.

Церковь Христова есть общество, представляющее собою единое цѣлое во Христѣ Іисусѣ и берущее свою жизнь непосредственно отъ Него. Отнять у Церкви Христа Спасителя или замѣнить Его кѣмъ-либо другимъ, — значитъ лишитъ ее жизни. Но и быть во Христѣ Іисусѣ помимо Церкви невозможно, такъ какъ Церковь есть Его брачный чертогъ, гдѣ можно быть только въ брачной одеждѣ, которую можно получить только въ Церкви.

Существующая при Св. Синодѣ Коммиссія по вопросу о соединеніи церквей еще въ 1904 г. издала «Замѣчанія объ американской книгѣ общихъ молитвъ». Эти «Замѣчанія» можно признать нашимъ православнымъ взглядомъ на вашу «брачную одежду». Я не знаю, знакомы ли вы съ этими «Замѣчаніями». Если знакомы, то знаете, конечно, что мы православные сердечно и искренно относимся къ вамъ, знаете, какъ мы смотримъ на вашу «брачную одежду» и какъ желаемъ, чтобы она была не только похожа на нашу, но и одинакова съ нашею и въ то же время была къ вашему христіанскому лицу.

О, какъ я желалъ бы, чтобы вы въ эти минуты не только поняли меня, но и были

vantage to anyone; and that, therefore, they must not lead to separatism (Romans I, 5; III, 2-9; X, 12).

Rising above everything temporary and finite, the Church in its content renounces all nationality and territorial elements, all that is conditioned by space and time.

This means that you, Americans, may be orthodox while remaining Americans, and that we, Russians, being orthodox, shall for ever remain Russian. You have your habits and inclinations, which do not stand in the way of your eternal salvation; and we have ours. Only beyond, in the eternal kingdom of God, will there be neither American nor Russian, neither French nor German, but only children of God, drawing into their being the eternal glory of the eternal God, living for, ever by this glory, for ever drawing it into their being, and developing for ever. And here on earth, the Church of Christ calls all men to take part in its life and satisfies the religious needs of all people, without distinction of race.

For the Church, the most important thing is the spirit of man, destined for eternal life; everything else has but a secondary significance, and is not important enough to keep us from agreeing; still less is it important enough to make us disagree.

The Church of Christ is a community representing one whole in Jesus Christ, and deriving its life directly from Him. To deprive the Church of Christ the Saviour, or to replace Him by someone else, would mean to deprive it of its life. In like manner, it is impossible to be in Jesus Christ independently of the Church; for the Church is His wedding chamber, in which one cannot remain without a wedding garment, which can be received from the Church alone.

As long ago as 1904, the Committee of the Holy Synod for the furthermore of the question of Church union published its *Notes on the American Book of Common Prayer*. These *Notes* may be taken as the

близки ко мнѣ своей душой. О, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы мы были съ вами овцами одного православнаго стада и чтобы къ намъ не были применимы слова: "oves non audiunt vocem alienorum." Идеями, братья мои во Христѣ, движается наша жизнь, а не внѣшними обстоятельствами и интересами, къ которымъ относятся и наши не только национальныя, но и индивидуальныя особенности. Это произойдетъ тогда, когда нашему сознанию будутъ не чужды, а близко-родственны религіозныя идеи ваши и наши.

Всякій живетъ по своему и такъ, какъ ему лучше. Въ Нью-Йоркѣ, напр., можно ходить сейчасъ въ легкомъ пальто, въ Филадельфій, здѣсь у васъ, слѣдуетъ одѣться потеплѣе, а въ Канадѣ, гдѣ я былъ недавно, необходимо надѣть шубу. Или—чтобы во всемъ намъ быть одинаковыми, намъ слѣдуетъ все съ себя сбросить? Но если Адамъ ходилъ въ раю безъ одежды, то отсюда не слѣдуетъ, что всякій, кто сниметъ съ себя одежду, будетъ чувствовать себя въ раю, что все мы по этой причинѣ станемъ Адамами. Это абсурдъ. Что главное? Христосъ сказалъ: «если вы будете исполнять все, что Я говорю, вы узнаете истину» (Іоан. VIII, 32). Въ этомъ сущность нашей вѣры и сущность вопроса о соединеніи церквей. Я въ своемъ храмѣ нахожу больше религіознаго смысла, а вы въ своемъ. Почему? Я въ своемъ храмѣ *хочу* молиться и только въ немъ могу найти болѣе соотвѣтствующую моей молитвенной настроенности родную обстановку, а вы въ своемъ. Почему? Да потому, что есть храмъ нашъ *русскій* и есть храмъ вашъ *американскій*. У васъ сидятъ въ храмахъ, у насъ стоятъ; и для того, чтобы произошло *соединеніе*, не слѣдуетъ скамьи изъ вашихъ храмовъ вынести въ наши и заставить насъ сидѣть, а васъ стоять. Мы не сядемъ, а вы не въ силахъ, за отсутствіемъ навыка, выстоять такія длинныя службы, какъ наши. Но этого *соединеніе* именно и не требуетъ. Иначе скамья и будетъ тѣмъ барьеромъ, черезъ который не

Russian Orthodox view of your "wedding garment."

I do not know whether you are acquainted with these *Notes*. If so, you must certainly know how friendly and sincere is our feeling toward you; you must know what is our view of your "wedding garment," and how eagerly we wish they were not only like ours, but the same as ours; and yet that, at the same time, it should be becoming to your own Christian features.

How I wish that, at this moment, you not only understood me, but that your souls might be close to me. How I wish that we were sheep of the same Orthodox fold, and that it were impossible to apply to us the words *oves non audiunt vocem alienorum*.

My brethren in Christ, our life is moved by ideas, and not by exterior circumstances and interests, which also include both our national and our individual peculiarities. So our nearness will be realized only when our religious ideas are not only not alien, but are near and akin.

Every man lives as is most convenient to him. On the same day in New York one man may go out in a light overcoat, while here in Philadelphia another may have to wear something warmer; while in Canada, which I recently visited, one needs a fur coat. Or, in order to be alike, should we all take off our clothes? But if, in Paradise, Adam went about unclad, does this mean that whoever takes his clothes off will find himself in paradise, or that that would make Adams of us all? Of course, this is absurd.

What is most important of all? Christ said: "If ye continue in my word... ye shall know the truth" (John VIII, 31-32). In this rests the substance of our faith, and the substance of the question of the union of the Churches. I find more religious significance in my Church, while you find more in yours. Why is this so? Because in my Church, I want to pray, finding there alone the famil-

переступить православный въ вашъ храмъ, а вы не войдете въ нашъ.

Привычка — вторая природа. Объ одномъ недавно почившемъ Московскомъ митрополитѣ сообщаютъ, что онъ никогда не сядилъ въ алтарь: «какъ я сяду предъ лицомъ Господа?» говорилъ онъ. Такъ разсуждаютъ и все православные. О теперешнемъ Митрополитѣ Петербургскомъ Антоніи одинъ изъ епископовъ сообщилъ мнѣ, что онъ какъ то выразился: «совершить Литургію у единоверцевъ, пожалуй, я готовъ, но только креститься двумя пальцами не смогу». Нашъ нынѣшній Петербургскій Митрополитъ — образованнѣйшій богословъ. Вы, конечно, знаете, что наши русскіе раскольники изъ за сугубой аллилуйи, двоенерстія и семипросфорія готовы были идти на огонь. И не раскольники только, но все русскіе люди привязаны такъ къ своему обряду и, я вамъ скажу, видъ его они не мыслятъ своего православія. Вамъ это, пожалуй, покажется крайностью, но у васъ свое, а у насъ свое; вамъ дорого ваше, а намъ дорого наше. Трудно создать такое единеніе, чтобы вы чувствовали себя въ нашихъ храмахъ, а мы въ вашихъ, какъ дома, какъ у себя, — трудно вамъ перевоплотиться въ православнаго, а православному стать епископомъ. Но требуется ли это? Если до XIго столѣтія существовала православная восточная и православная западная церкви, то почему же это невозможно и теперь, въ наше время?

Неужели немислимо параллельное существованіе двухъ церквей — православной и епископальной, если первая признаетъ послѣднюю своею возлюбленною, единоверною сестрою, что можетъ произойти тогда, когда ваша церковь уничтожитъ тѣ догматическія разности, которыя отдѣляютъ ее отъ православной, содержащей чистое христіанство? Но пока это будетъ, я, хотя имѣю друзей изъ вашихъ bishops, которыхъ высоко цѣню и глубоко уважаю, — я, какъ вѣрный сынъ своей Церкви, чтущій ея догматы и всею душею преданный и любящій ея обряды, не могу идти и не пойду ни на какіе компромиссы.

iar conditions which best correspond to my mood of prayer. Why is this? For the reason that a Russian church is one thing, while an American church is another. You sit in your churches; we stand in ours. And in order to bring about union, it is not necessary to carry the pews from your church to ours, forcing you to stand and us to sit. We shall not sit, and you, from lack of habit, could not remain standing through such long services as ours.

But *Union* does not demand this. Otherwise the pews might become the barrier over which the Orthodox could not step into your church, or you into ours.

Custom is a second nature. It was said of one of our recently deceased Metropolitans, that he never sat down before the altar: "How can I sit before the face of the Lord?" he said. This is the attitude of all Orthodox. Antonius, the present Metropolitan of St. Petersburg, is reported to have spoken as follows: "I am willing enough to perform the liturgy in a church of Orthodox 'oldritualists', but I could not make the sign of the cross with two fingers, as they do." Yet our present Metropolitan of St. Petersburg is a most cultured theologian. Of course, you must know that our Russian old-believers would go to the stake to preserve the custom of repeated Alleluias, of crossing themselves with two fingers and using seven loaves. These old-believers are no exception; all Russians are as devoted to their ritual, and could not think of their Orthodoxy apart from it.

This you may think somewhat extreme. But you have your way, and we have ours. What is your is dear to you; and what is ours is dear to us.

It would be difficult to bring about a union which would enable you and ourselves to feel at home in eachothers' churches. It would be hard for you to transform yourselves into Russian Orthodox, and for the Orthodox to become Episcopalians.

показывающіе хотя бы самое малѣйшее и повидимому незначительное умаленіе православія. Я увѣренъ, что вы сами не желали бы того.

Кто либо изъ насъ, быть можетъ, скажетъ: «если мы такъ будемъ осмотрительны, то вопросъ о соединеніи церквей отложится ad calendas Graecas». Дѣйствительно, отъ медлительности можетъ остыть желаніе, а если остынетъ желаніе, то можетъ явиться сомнѣніе, а потомъ и уніе — эта могила всякой работы, даже и желанія. Но и снѣгитъ въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно опасно, такъ какъ поспѣшность можетъ уснѣшнѣе всего похоронить вопросъ о соединеніи церквей. Вслѣдствіе сего, а также и потому, что мы не имѣемъ отъ нашего Св. Синода благословенія на такого рода близость съ вашею церковью, я желаю, чтобы мое духовенство не слишкомъ усердствовало въ пользованіи вашею добротою и въ особенности не дѣлало такихъ шаговъ, которые не приближаютъ насъ къ вамъ, а отдаляютъ. Я разумѣю это, напр., служеніе для своихъ пасомыхъ въ вашихъ храмахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ священниковъ, хотя, правда, и по нуждѣ. Мы сейчасъ не разрѣшили бы вамъ служить въ нашихъ храмахъ. Значитъ, и намъ въ вашихъ храмахъ служить пока не слѣдуетъ. Служеніе это не начало практическаго осуществленія вопроса о соединеніи церквей, а порча самой возможности этого соединенія, несерьезное отношеніе къ серьезнѣйшему дѣлу. Значитъ, разрѣшеніе даннаго вопроса своего рода захватнымъ, явочнымъ порядкомъ можетъ оттолкнуть отъ этого вопроса даже и такихъ лицъ, которыя дѣйствительно заняты рѣшеніемъ его, не говоря о томъ, что на массу православныхъ и епископаловъ такія поспѣшности могутъ произвести самое невыгодное впечатлѣніе: если въ самомъ дѣлѣ, такъ легко рѣшается вопросъ о соединеніи православныхъ съ епископалами, то почему бы тогда также не соединяться и съ римо-католиками, баптистами, пресвитеріанами, кальвинистами и т. п. Какой смѣль имѣли тогда эти вѣками дер-

But is this necessary? If until the eleventh century there existed an Orthodox Eastern Church and an Orthodox Western Church, why should this be impossible now, in our day?

Could we not think of the parallel existence of the two Churches, the Russian Orthodox and the Episcopal, if the former proclaims the latter its beloved sister, whose faith conforms to its own. This can take place, when your Church removes all the dogmatical differences separating it from the Orthodox Church, which has preserved pure, primitive Christianity. Until this happens, though I have friends among your Bishops whom I value highly and for whom I have a profound respect, as a faithful son of my Church, knowing its dogmas and devoted to its ritual with my whole soul, I cannot admit of any compromises which would entail the smallest and seemingly most insignificant belittling of our Orthodoxy. I am sure you yourselves could not wish this.

Some of you may say: "If we are so circumspect, the union of the Churches will be postponed to the Greek Kalends." True enough, delay may chill the will, and, if the will be chilled, doubt and depression may come, the grave of all activity. Nevertheless, haste in this cause would be highly dangerous; haste can most easily bury the question of the union of the Churches.

For this reason and also because we have as yet no sanction from the Holy Synod for any such close relations with your Church, I desire my clergy not to be too zealous to profit by your kindness, and especially to take no steps which, instead of bringing us closer together, would really separate us.

I mean, for example, the celebration of Divine Service by some of our priests for their flocks, in your churches, even in case of need. At present, we could not give you permission to hold your services in our churches. Therefore, *for the time being*, we

жающія рѣчи о вѣроисповѣдныхъ различіяхъ? Какой смыслъ въ томъ, что существуютъ такія фракціи въ протестантствѣ? Съ крестомъ ли или безъ него, но если это храмъ христіанскій, заходи въ него и молись, исповѣдай свои грѣхи предъ тѣмъ, кто называетъ себя пасторомъ, и входи въ общеніе съ тамошними христіанами, забывъ апостольское наставленіе епископу Титу относительно отношенія къ еретикамъ!.. О своихъ пасомыхъ я скажу, что такое отношеніе къ вопросу о соединеніи близко къ насилію надъ ихъ совѣстью. Мы вырываемъ ихъ изъ рукъ Римской церкви и приводимъ подъ протестантскій стягъ, ведемъ ихъ не на Востокъ, а всего только какъ бы изъ Рима, напр., въ Нью-Йоркъ. Это не входитъ въ задачи наши. У насъ есть своя Церковь и свои права и свои обязанности.

Въ такомъ дѣлѣ, какъ это, которое имѣетъ отношеніе къ нашему вѣчному спасенію и которое, поэтому, является самымъ важнымъ для насъ, нужна прежде всего ясность и опредѣленность. Я убѣжденъ въ томъ, что друзья мои — епископалы не обидятся на меня, а поймутъ и оцѣнятъ тѣ побужденія, выставляю. Они также стремятся, чтобы выйти изъ области неяснаго, неопредѣленнаго и недоходя изъ которыхъ я такъ говорю и такъ дѣйствую. Пора обѣимъ сторонамъ выйти изъ теперешняго своего положенія, которое можно опредѣлить какъ обоюдную любезность. Эта любезность является чѣмъ то слабосердечнымъ, ведущимъ къ взаимной уступчивости, стоящей на границѣ безразличія къ вѣрѣ, близкаго къ невѣрію.

Будемъ любезны и, если вамъ угодно, добры другъ къ другу, будемъ внимательны въ личныхъ отношеніяхъ, но въ отношеніяхъ, касающихся вѣры нашей, будемъ стоять на почвѣ исключительно исторической правды и не будемъ строить трона какой то любви, для совмѣстнаго сидѣнія на немъ епископала и православнаго, на развалинахъ своей привязанности къ своей родной вѣрѣ и къ своимъ церковнымъ обрядамъ. Это совершенно не-

should not hold service in yours. Such a service is not the beginning of the practical realization of the union of the Churches, but a menace to the very possibility of this union, because it means a not very serious treatment of a very serious problem.

Attempts to solve this question by means which, in a way, are methods of annexation and judicial denunciation, may alienate some who are really working hard for its solution, not to mention that the bulk of the Russian Orthodox and Episcopalians may be very unfavorably impressed by all this haste. It stands to reason that, if it is so easy to solve the question of the union of the Russian Orthodox and Episcopalians, one may ask why should we not include the Roman Catholics, the Baptists, the Presbyterians, the Calvinists, and so on?

In such a case, what would be the value of all that has been said, during centuries, concerning differences of confession? What would it matter that Protestantism is divided into so many fractions? In such a case, it would matter nothing whether a church had the symbol of the cross on it or not; one could go in, pray, confess his sins before the man who called himself its pastor, enter into communion with its flock, forgetting the apostolic injunction of St. Paul to Bishop Titus concerning the right attitude towards heretics. I must say that, as far as my own flock is concerned, such an attitude toward the question would be almost violence to their consciences. It would be as though we tore them from the hands of Rome to place them under a Protestant flag, leading them from Rome, not to the East, but, let us say, to New York. This is no part of our task. We have our Church, our rights and our duties.

In a cause which is related to our eternal salvation which, therefore, is most important for us, clearness and precision above all are needed. I am sure that my Episcopal friends will not be offended with me, but

желательно ни вамъ, ни намъ. Съ нашей стороны никакихъ уступокъ и компромиссовъ не будетъ, да и вы не нуждаетесь въ нихъ.

Вы освѣтите научно историческимъ свѣтомъ догматическія отступленія своей церкви и сами увидите, что вамъ надо дѣлать. Когда мы сговоримся въ догматикѣ, объ обрядахъ мы не будемъ имѣть разговора. Они тогда не помѣшаютъ намъ быть едиными во Христѣ и одинаково вѣрующими во Христа; тѣмъ болѣе, что и у васъ, и у насъ есть много теперь лицъ, желающихъ быть такими. Вотъ примѣръ.

Когда приблизилась къ концу моя работа по написанію этой лекціи и я уже готовъ былъ поставить точку, мнѣ подали книжку "The Editorial Review" за этотъ февраль мѣсяцъ. Въ этой книжкѣ имѣется статья Rev. Arthur Lowndes: "The Christian Unity Foundation." Не думаю, чтобы кто-либо изъ васъ не зналъ почтеннаго Лаундеса, пользующагося въ ученомъ мѣрѣ широкою и заслуженною извѣстностью. Этого вашего ученаго богослова, поощающаго меня, знаю и я, и я слишкомъ далекъ отъ мысли считать его энтузіастомъ или человѣкомъ, способнымъ на крайности или увлеченія при рѣшеніи какихъ-бы то ни было вопросовъ. И вотъ что онъ, между прочимъ, говоритъ въ этой статьѣ по этому вопросу о соединеніи церквей, который онъ считаетъ «полнымъ парадоксомъ и трудностей»: «Если мы остановимся на великомъ внутреннемъ единствѣ, которое соединяетъ всѣхъ христіанъ, мы воскликнемъ: «гоенода, мы — братья, зачѣмъ намъ обижать другъ друга?» Лично я вѣрю, что видимое христіанское соединеніе будетъ достигнуто, хотя оно такъ трудно и представляется невозможнымъ. Трудности не останавливаютъ солдата, инженера или ученаго, — напротивъ, они возбуждаютъ его энергію. Почему-жъ въ области религіи не должно появиться подобное стремленіе? Крѣпости недоступны только до тѣхъ поръ, пока ихъ боится. Разъ мрачная крѣпость несогласія рѣшительно будетъ атакована, она будетъ взя-

will understand and appreciate the motives which lead me to speak and act as I do. They also are eager to leave the region of the obscure, the indefinite, the unspoken.

It is time for both sides to pass beyond their present position, which may be described as mutual amiability. This amiability has the appearance of faintheartedness, leading to mutual concessions, which verge on an indifference to belief, very close to unbelief.

Let us be friendly and kind toward each other; let us be considerate in our personal intercourse. But, in all that touches our faith, let us stand only on the ground of historic truth, and let us not build a throne on which the Episcopalians and the Russian Orthodox can sit together, on the ruins of their devotion to their own familiar faith and their own Church ritual. This is entirely undesirable, either for you or for us. There will be no concessions or compromises from our side. Nor do you require them.

You will illumine your dogmatical digressions by the light of the science of history, and will see for yourselves what is to be done. When we agree concerning dogmas, there will be no need to speak of rites. They will not prevent us from being one in Christ and having the same belief in Christ. Only the more so, because both among you and among us there are many people who wish to do so. Here is an example.

When I had almost completed the writing of this lecture, and was about to come to a conclusion, a book was brought to me: *The Editorial Review* for this month. I think there are none among you who do not know the worthy Dr. Lowndes, who enjoys a wide popularity among the learned, a popularity which he fully deserves. In this book Rev. Arthur Lowndes publishes an article "The Christian Unity foundation". This learned divine visited me several times, so I also know him, and am very far from taking him to be an enthusiast capable of going to any

та. И когда стѣны падутъ, тогда ясно откроется городъ Князя мира, городъ Бога, который Іезекииль видѣлъ въ видѣніи».

Такъ говорить въ вашъ слухъ вашъ ученый. И что мнѣ прибавить къ его словамъ? Не остается-ли мнѣ закончить это мое слово къ вамъ этими его словами, такъ какъ я знаю, что его голосъ въ вашей средѣ не есть «гласъ вопиющаго въ пустыни». У васъ уже есть армія, готовая и способная взять приступомъ крѣпость несогласій, раздражающихъ хитонъ Христовой Церкви. Но армія эта нуждается еще въ полномъ знаніи жизни и силы Христовой Церкви того времени, когда не было дѣленія ея на части.

Это вытекаетъ изъ того, что если бы вы, господа, владѣли вполнѣ этимъ знаніемъ, то, несомнѣнно, единодушно и единогласно всѣ уже предъ лицомъ всего міра признавали бы, что наша Православная восточная Церковь и есть та Церковь, которую «насъ ради чловѣкъ и нашего ради спасенія» основалъ на землѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и, что также несомнѣнно, выразили бы желаніе быть членами Православной западной Американской Церкви.

О, если бы Господь Богъ далъ намъ возможность дожить до сего блаженнаго часа, въ которомъ мы могли бы узрѣть и васъ, американцевъ, православными христианами! Великая была бы въ томъ и для насъ и для васъ милость Божія! Будемъ вѣровать, что это будетъ, и будемъ молиться, чтобы это скорѣе было.

А. ПЛАТОНЪ.

cloak of the Church of Christ. But this army still needs a fuller knowledge of the breadth and power of the Church of Christ in that epoch when it was not divided into fractions. In my eyes, gentlemen, if you really possessed this knowledge, without any doubt you would have confessed in the face of all the world, with one mind and voice, that our Orthodox Eastern Church is the Church founded on earth by our Lord Jesus Christ "for us, men, and for our sal-

extreme, in order to solve any serious question. Here is what he says, among other things, concerning the union of the Churches, a cause which he considers to be full of paradoxes and difficulties:

"As we ponder over the great underlying unity which binds all Christians together, we cry out in amazement, "Sirs, ye are brethren, why do ye wrong one to another?"

"Personally, I believe that visible Christian union will be achieved, if only because it is so difficult of realization and appears so utterly impossible. Difficulties do not appal the soldier, the engineer, or the scientist; on the contrary, such difficulties appeal to their combativeness. Why, then, in the realm of religion should not a similar aggressiveness be aroused? Fortresses are impregnable only so long as they are feared. Once let the grim fortress of discord be resolutely attacked and it will be taken, and when its walls have all been razed, then shall there be clearly revealed the City of the Prince of Peace, that City of God which Ezekiel saw in vision."

Thus your own man of learning speaks to your ears. What can I add to his words? Perhaps it would be better for me to conclude with these words of his, the more so, because I know that, for your hearts, his voice is not the voice of one crying in the wilderness. You already have an army ready and able to demolish the fortress of disagreement, the division which rends the seamless

vation." It is also beyond doubt that in that case you would have expressed the desire to be members of the Orthodox Western American Church.

May the Lord God grant to us the possibility to see the blessed day when we can give to you, Americans, the same name of Orthodox Christians. That would be a great mercy from God both for ourselves and for you. Let us believe that it will come, and let us pray that it may come soon.

По Штатамъ и Аляскѣ.

Изъ дорожныхъ впечатлѣній спутника
Его Высокопреосвященства.

Чистыя минуты.—Аляскинскіе лингвисты.

За то на Дугласскомъ берегу замѣтно было оживленіе, возраставшее по мѣрѣ приближенія туда нашего кораблика. Дугласская паства видимо ожидала своего высокаго Гостя-Архипастыря, и когда нашъ «пѣкто въ сѣромъ» артистически подалъ свой экипажъ къ пристани, Владыка, встрѣченный шумными привѣтствіями славянъ, прослѣдовалъ къ церкви, отстоявшей отъ воды два-три квартала. Намъ надо было обрядить архіерейскую ризницу и облачиться для встрѣчи Архипастыря, и потому мы посѣщили прямо въ храмъ, пока Его Высокопреосвященство осматривалъ церковь снаружи, выслушивая объясненія предсѣдателя мѣстнаго братства относительно времени и исторіи ея постройки.

Если снаружи морозное утро давало себя чувствовать, то не тепло было и въ церкви. О. Всеволодъ въ сотый разъ благословлялъ отечественнаго фабриканта за его патентованные дорожные складные дикпрій и трикирій, съ которыми свѣчи никакъ не хотѣли жить въ согласіи, и хотя, наконецъ, мы уравились, но не безъ молитвы «помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его» вышли во срѣтенію Архипастырю. Не стану описывать, какъ прошла церемонія облаченія, ибо іподіаконы поставлены были изъ матеріала хотя и внушительнаго по размѣрамъ, но не поддающагося командѣ о. Всеволода; — къ счастью нашему вниманіе отъ всего прочаго отвлекалось пѣніемъ, такимъ пѣніемъ, такимъ пѣніемъ, однимъ словомъ... замѣчательнымъ пѣніемъ! Клиръ Харламнія Джуновскаго украшенъ былъ на сей разъ новыми голосами, и по дерзновенію пѣвцовъ и громогласію ихъ исполненія нетрудно было узнать нашихъ старыхъ знакомцевъ, вчера такъ радушно угощавшихъ Владыку своими брат-

скими гимнами въ Тредвелѣ. Пѣли все, конечно, не въ «С-dur», а въ «Raz-dur», и когда, въ болѣе ответственныхъ частяхъ, Харламній солировалъ, то уже и вовсе выходило «изъ огня да въ полымя»!..

Но напрасно о. П. Орловъ волновался и безпомощно опускалъ руки... Всѣ эти шероховатости невольно ступшеывались предъ величіемъ минуты. Въ этой массѣ народа, наполнявшаго церковь, въ этомъ духовномъ единеніи православныхъ сербовъ съ пришедшими сюда говѣть краснокожими «дѣтьми природы», въ этомъ собраніи вѣрующихъ явившихся въ святой великій Праздникъ прославить Св. Троицу и помолиться при возношеніи Безкровной Жертвы Первостоятелемъ Американской Церкви, своимъ русскимъ, православнымъ, святителемъ, только черствый душою человекъ не почерпнулъ бы великаго духовнаго утѣшенія! Съ огнями этихъ горѣвшихъ въ рукахъ богомольцевъ свѣчей какъ бы сливался огонь ревностной горячей молитвы всѣхъ предстоявшихъ, и какъ — бывало — при общей исповѣди въ Кронштадтѣ, не слышишь воплей сосѣдей своихъ, истязующихъ себя громкимъ исповѣданіемъ своихъ грѣховъ, а полонъ самъ тѣмъ же желаніемъ въ слухъ всего міра повѣдать то, чѣмъ болѣетъ и твоя душа, такъ и тутъ, не слышали мы никакихъ диссонансовъ, — чувствовалось, что всѣ люди пѣли хотя и разными голосами, и неумѣло, и не стройно, но едиными устами и единымъ сердцемъ!..

Еще впервые вступалъ на Аляскинскую землю русскій православный святитель въ санѣ Архіепископа! Еще впервые въ этомъ высокомъ званіи преемникъ Апостоловъ совершалъ Божественную литургію на этой землѣ! Но это-же было и первое посѣщеніе Владыкою Платономъ Аляскинской паствы, жаждавшей такъ давно видѣть его, своего Архипастыря! И первую литургію здѣсь совершать довелось Высокопреосвященнѣйшему Владыкѣ именнo въ такой день, въ такой праздникъ!.. Невольно умиленіе сообщалось душѣ богомольца. Въ душѣ тѣснились зна-

комыя съ дѣтскихъ лѣтъ повѣствованія о первыхъ дняхъ церкви Христовой на землѣ, о той Сіонской горницѣ, гдѣ первая дружина Апостоловъ сподобилась получить дары посланнаго Христомъ Утѣшителя, Духа Святаго... Сверкали огни свѣчей, и въ памяти нашей живыми стояло раздаваніе этихъ даровъ въ видѣніи огненныхъ языкъ, а смѣшеніе этой разноязычной молящейся цѣлвы какъ бы явилось отдаленнымъ подобіемъ того разноязычія, коимъ стало благоуствоваться имя Христово по сошествіи Св. Духа въ день Пятидесятницы!... Десятки вѣковъ раздавалось это благоуствіе, во всю землю изшло вѣщаніе Апостольское, изъ убогой Сіонской горницы проникло оно и въ палаты царскія, и въ поганскія капища, и въ очаги культуры, и въ дикія страны, побуждая умы, побуждая сердца... Непрерываемой цѣнью — чрезъ десятки вѣковъ — шло преемство Апостольское, и когда-то маленькая христіанская семья, водимая нѣсколькими Апостолами, разрослась въ сотнимилліонную Церковь Христ. назидаемую сонмами Архипастырей, преемниковъ Апостольскихъ! И въ эту глухую, отдаленную землю, въ невѣдомую еще не такъ давно бѣлому человѣку Аляску, проникла вѣсть о Спасителѣ. Евангеліемъ озарились умы прежде дикихъ людей. Вѣры Христовой носители неходили и здѣсь землю апостольскими стопами своими... Здѣсь уже высятся храмы святые, православные!.. И вотъ, въ день Пятидесятницы приносятъ Безкровную Жертву здѣсь за всю эту цѣлву Первостоятель Церкви Американской, посланникъ Русской православной земли, преемникъ Апостоловъ, оглашая всѣхъ своихъ духовныхъ овецъ мудрымъ отеческимъ наученіемъ. Беречь свою святыню, православную христіанскую Вѣру, заповѣдуетъ онъ. Любить ее, нести проповѣдь о ней всѣмъ житіемъ своимъ, не охлаждать къ ней въ холодной чужой странѣ, не вытраивать изъ нѣдръ сердца завѣтовъ Христовой любви и преданности церкви... Туземецъ въ словѣ Архипастыря слышалъ теплое попеченіе о себѣ, пришельцы изъ славянскихъ земель — родное слово, привѣтъ... Че-

го не цинимали, постигали сердцемъ... Совершенно напрасно, какъ когда-то въ Санъ Франциско, смущался Владыка, что слушатели не поймутъ его словъ, не усвоятъ его поученія... Это смущеніе должно было и здѣсь исчезнуть, послѣ перваго же взгляда на лица этихъ людей, устремившихъ свои взоры къ Архипастырю, забывшихъ продолжительность службы, и упившихъ всѣмъ существомъ по вниманію... И такъ кстати, послѣ своего поученія, Владыка благословилъ о. Всеволоду возгласить изъ чина православія: «Сія вѣра Апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная! Сія вѣра всю вселенную утверди!»

Тѣмъ же темамъ праздничнымъ посвятивъ слово свое и о. настоятель, которому Владыка благословилъ проповѣдать еще до себя. О. Петръ видимо совершенно освоился съ мѣстной цѣлвой, и чувствовалъ себя среди сербовъ совершенно какъ дома, почему очень охотно согласился выстушить на проповѣднической кафедрѣ въ этотъ знаменательный для него день.

— «Вы вѣдь говорите по сербски?» — поинтересовался предъ тѣмъ Владыка.

— «О, это такъ легко! Я языка, правда, не изучалъ, но пересынешь русскую рѣчь библейскими выраженіями, и выходитъ прекрасно... Все понимаютъ!..»

И вотъ теперь представился ему случай примѣнить на практикѣ этотъ «новѣйшій самоучитель сербскаго языка въ двѣ-три минуты по аляскинскому методѣ», и мы съ немалымъ интересомъ стали слушать, какъ о. Петръ, ничтоже сумняся, радовалъ цѣлву свою «библейскими» выраженіями и оборотами... Противъ «како» раздавалось конечно «тако», а если иногда случалось «инако», то «всяко» уразумѣть можно было... Много было «понеже» и «еже», «собаче» не доставало и «паче». А уже «куча», въ которой св. Апостолы собрались въ празднуемый нынѣ день, склонилась на всѣ лады!..

— «Ну, отче, этакъ посербски и я говорить умѣю!» — улыбнулся Владыка, когда о.

Петръ закончилъ свое поученіе и подошелъ благословиться...

**Искушеніе. — Погибъ какъ шведъ подъ
Полтавой.**

Было за полдень, когда Его Высокопреосвященство предложилъ къ лобзанію св. Крестъ предстоявшимъ. Морозное утро успѣло смѣниться душнымъ, жаркимъ днемъ. Въ церкви дышать трудно было — и отъ этой жары, и отъ свѣчей, во множествѣ горѣвшихъ во всю службу. Усерднѣйшіе пѣвцы наши стали похрипывать, и мы еще разъ порадовались, что Владыка еще съ вечера раздѣлилъ сегодняшнія службы св. Пятидесятницы такъ, чтобы въ Дугласской церкви совершена была только литургія, а вечерня по литур-

По выходѣ изъ Дугласской церкви въ день Св. Троицы. — Въ центрѣ Высокопреосвященнѣйшій Владыка Платонъ.

гін — отслужена была въ Дажуновской церкви: обѣимъ паствамъ не обидно, обѣимъ паствамъ праздникъ!..

Надо было, значитъ, сейчасъ же свѣшнить съ обратнымъ переѣздомъ въ Дажуно, съ укладкой ризницы, за что мы съ о. Всеволодомъ и принялись, пока Владыка, разоблачившись, вышелъ изъ храма и, разрѣшивъ вмѣстѣ съ прихожанами снять себя на паперти церковной, направился въ домъ одного прихожанина, чтобы оттуда съ нами поспѣй пойти къ пристани. И вотъ тутъ случилось, какъ иноки называютъ, «искушеніе», и даже не просто искушеніе, а «охъ, искушеніе!» Нѣсколько всего минутъ задержались мы въ церкви, и векорѣ, взваливъ чемоданы на плечи гигантовъ-сербовъ, сами пошли тоже по

направленію дому, гдѣ ожидали увидѣть Владыку... Въ домѣ никого!.. Спрашиваемъ того-другого кругомъ, — уѣхалъ!.. «Куда?» — Въ Дажуно!.. «Какъ?».. — На катерѣ!..

Часъ отъ часу не легче! какъ же сами то мы теперь съ вещами нашими на тотъ берегъ переправимся? Ждать очереднаго городского бота, — по воскресеньямъ рѣдко ходитъ, тутъ не то что на вечерню, а и на утреню не поспѣешь!.. Запыхали все таки на пристани, поплелся сзади и діаконь, ведя оживленнѣйшую бесѣду съ какимъ то «сербомъ», должно быть по усовершенствованной «библейской» методѣ о. Петра... Самого о. Петра даже въ испарину ударило, — какъ быть?.. А солнце разкокетничалось во всю: парить, словно въ Нью-Йоркѣ! Жара по мѣстнымъ палестинамъ неслыханная... И мнѣ, говоря языкомъ старушекъ Островскаго, «ужъ таково-то обидно стало», зачѣмъ Владыка насъ такъ безпомощными покинулъ, на ботикѣ нашемъ уѣхалъ, — всего вѣдь минутъ пять-десять подождать надо было!.. Ризы-то вѣдь съ нами, а изъ «освященнаго собора» только Харлампій отбылъ съ Его Высокопреосвященствомъ, значить служить въ Дажуно — пока мы отсутствуемъ — все равно нельзя!..

Смотримъ — у самой пристани стоитъ какая-то старая огромнѣйшая баржа, изъ тѣхъ, на которыхъ все перевозить можно. А на баржѣ люди, и мужеска пола и женска. Капитанъ знакомый о. Петра. Спрашиваемъ, — ѣдутъ на глетчеры: воскресная увеселительная прогулка. Ѣдутъ въ другую отъ Дажуно сторону, но о. Орловъ уже ухватился за идею упросить капитана перекинуть насъ въ Дажуно. За мѣстомъ остановки, конечно, не было: хватило бы и на пятьсотъ человѣкъ, по — не по пути!.. Однако, капитанъ жалостливое сердце имѣлъ и нашу тяготу почувствовать, согласился крюкъ сдѣлать... Мы скорѣе чемоданы въ баржу, лѣземъ черезъ перила... Хватъ діакона, — діакона иѣтъ!.. Туда-сюда, слѣдъ простыть! А куда бы, кажется! Вѣдь за минуту тутъ вертѣлся и насчетъ преврат-

ностей судьбы самъ съ собою философствоваль... И вдругъ — скажите, пожалуйста!... Сербы утѣшались стали: найдется, дескать: вѣроятно къ какою нибудь «кучу» по сосѣдству «долазиль», привеземъ-де послѣ... На томъ и порѣшили, и, какъ чрезъ нѣсколько минутъ оказалось, все къ лучшему вышло. А «оказалось» вотъ что. Баржа то наша къ Дажуновской пристани пристать-пристала, а выгрузить насъ некуда. Своего причала нѣтъ, лѣстницы подняты, дѣлай что хочешь, до ведхней площадки добрыхъ аршина два... Наконецъ, приглядѣли сваю понадежище, съ большими крюками вбитыми въ нее, — закинули наверхъ петлей веревку, и по матросски — стали карабкаться. Покряхтѣлъ о. Петръ тутъ, — тѣлесами Богъ не обидѣлъ, фунтовъ за 200 перехватить... Однако, скоро наверху были, и туда же на веревкѣ наши огромные чемоданы стали вытягивать. А за нимъ и я, — вспомнилъ какъ въ дѣтствѣ по вишнямъ и яблонямъ лазил... Удовольствіе симъ зрѣлищемъ «увеселительной компаніи» доставили мы, надо полагать, огромное, хотя полъ женскъ взвизгиваль, кажется на столько отъ восторга, сколько отъ тревоги за исходъ нашего гимнастическаго номера. Помахали «ручкой» мы съ о. Петромъ всѣмъ имъ въ благодарность за выручку, пообчистилсь, дикіи свои пообтерли и, точно сговорившись, въ одинъ голосъ воскликнули:

— Господи, что бы мы съ діакономъ тутъ подѣлали?! Покатилъ бы онъ на глетчеры!

И даже смѣшно намъ стало при этой мысли! Но веселость испарялась съ каждымъ шагомъ нашимъ по безлюдной, безконечно-длинной пристани. Плечи оттягивало тяжелыми чемоданами, мы обливались потомъ, и съ радостью заплатили бы хорошія деньги кому угодно, кто бы бремя наше понести согласился. Увы, ни души вокругъ! «Ахъ ты, солнце, солнце красное! Что ты грѣешь, что ты мучаешь?» А впереди были еще три-четыре квартала съ подъемомъ по досчатымъ панелямъ, и что ни шагъ дальше, то ноша тяжелѣе казалась, небольшое разстояніе въ сотни

милъ растягивалось... Моченьки нѣтъ! И казаться начало, будто цѣлыя сотни лѣтъ прошли уже съ того морознаго, бодратаго утра, которымъ этотъ день такъ прекрасно начался, и казаться начало, будто никогда уже не вздохнешь привольно!.. И таково-то, родненькіе мои, жалко себя стало, таково-то обидно, что прямо не заходя въ домъ, въ храмъ я вошелъ и здѣсь сталъ все къ службѣ-вечернѣ готовить. А народъ уже въ церкви былъ, и Владыку поджидалъ. Позвонили, и по времени Его Высокопреосвященство въ храмъ вошелъ, отъ встрѣчи парадной уклонился, ибо діакона не было, и облачаться изволилъ въ алтарь. Застегиваю я саккосъ и омофоръ архіерейскій, потъ градомъ льетъ, руки послѣ тяжести дрожать... — «Жарко, небось, — шутить Владыка. Вотъ она, поѣздка то по миссиі. Самы въ спутники просились, — теперь ничего не подѣлаешь, назвала груздемъ — полѣзай въ кузовъ! Тяжело?»... А въ горлѣ у меня щиплетъ: «отъ насъ самихъ зависить», — отвѣчаю... — «Какъ это такъ? Въ чемъ дѣло?»... А какъ же: насъ не подождали, уѣхали на катеръ, а намъ, кабы не баржа, то еще часа три не добратся бы сюда!» — «Да я то тутъ причемъ? — изумился Владыка... Вѣдь на катерѣ я ѣхаль городскомъ общественномъ; какъ увидѣвъ его на пристани, такъ — вмѣсто къ прихожанину — на катеръ и сѣлъ... А это вамъ надо было воспользоваться заказанной газелинкой!» Вотъ такъ влетѣлъ я! Выяснилось потомъ, что специальный ботикъ времени не разчиталь и въ Дугласъ вовсе не являлся, и значить, мы напрасно на Владыку грѣпили, что Архипастыръ свою свиту вѣрную покинулъ; въ томъ мы по сыновнему Архипастырю покаялись, и Владыка грѣха нашего не помянулъ, и только «покуту» такую за то положилъ, чтобы о семъ «непорозумѣніи» въ рекордъ описательный мною внесено было, что сими строками и исполнено.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. Х.

Редакторъ,
Каведраальный Прот. А. Хотовицкій.